

Вет. Москва, - 1994. - 16 февр. с 7

“Я не чужой зритель”

Вячеслава Мальцева.

— Театр Михоэлса, Театр Эфроса, теперь театр “Гешер”. Что, на ваш взгляд, объединяет все эти театры?

— Это совершенно разные театры, и в то же время их объединяет одно — они занимались и занимаются искусством. Мне было всего 17 лет, когда я поступил в студию еврейского театра. Она была в Столешниковом переулке, где я встретился с Соломоном Михайловичем Михоэлсом.

Этот театр был не похож ни на один театр в мире. Спектакли в нем выпускали по одному в два года. Я сыграл 9 ролей у Михоэлса. Мне повезло участвовать в одном из первых мюзиклов — “Фрейлексе”. Он даже получил Сталинскую премию, что было не так просто для еврейского театра. Я вспоминаю это время как сон...

У Эфроса было свое видение театра, искусства. И я убежден, что он войдет в историю рус-

ского театра так же, как и Вахтангов, Станиславский, Тосстоногов. У нас была просто непревзойденная труппа. Козаков, Дуров, Волков. Потом пришли Петренко, Гафт, Коренев, Любшин, Даль, Каневский. Создавались потрясающие спектакли.

Даже сейчас я, когда играю какой-нибудь спектакль, думаю: “А что бы сказал Эфрос?”

Когда мы приехали в Израиль, стали появляться статьи в прессе о том, зачем нужен Израильский русский театр? А теперь о нашем театре говорят как об одном из лучших театров Израиля. И я счастлив и горд тем, что нам удалось это доказать.

В нашем театре работают замечательные актеры. Наташа Войтулевич, Женя Додина, Саша Демидов, Лена Каневский...

Пожалуй, самое радостное, что со мной случилось в этот приезд, — встреча с труппой родного Театра на Малой Бронной. Все бросилось меня обнимать, целовать, спрашивали, когда я вернусь...

— Я всего несколько дней в Москве. Впечатления разные. Мне кажется, что жить здесь стало интереснее. Я не посмотрел, скорее прочитал “Лес” в постановке Л. Дурова. Честно говоря, с большой опаской шел на спектакль. Это замечательная пьеса, но ни одна ее постановка мне не нравилась. И тут я был приятно удивлен.

Запомнилась работа Женювача “Мельник, колдун, обманщик и сват”. Это новый для меня режиссер. И его спектакль показался мне любопытным экспериментом. И, кстати, молодые драматические актеры поют ничуть не хуже профессиональных певцов, приглашенных в спектакль.

— И вам не трудно быть зрителем Театра на Малой Бронной?

— Я не чужой зритель.

Валерия СУДАРЕВА.

Ему оставалось несколько часов до отлета. Но все-таки мы встретились... Я смотрела на Григория Моисеевича Лямпе, и мне вспоминался обаятельный, добродушный учитель музыки из к/ф “Безымянная звезда”.

— Вашему герою для того, чтобы сыграть великолепную симфонию, был необходим именно английский рожок. А что служит таким рожком в вашей жизни?

— Английский рожок для актера — это театр. Потому что без театра для него вообще жизни нет. Может быть, это звучит банально, но так вам ответит, наверное, каждый актер.

— Очень сложно человеку, особенно молодому, что-то менять в жизни. Два года назад вы уехали из страны. Как вы решились на такой шаг?

— Наступил такой период в жизни, когда показалось, что тот театр, которому мы служили, отошел на задний план. И одновременно появилась надежда создать что-то новое. К сожалению, в моем возрасте люди уходят из жизни. Ушли мои друзья, прекрасные актеры Евстигнеев, Щербаков, Зимин — люди, с которыми прошла моя жизнь. А я в довольно почтенном возрасте уехал, в общем-то, начинать новую жизнь. Эмиграция для меня не прошла безболезненно. Я всегда волновусь, когда мы играем на иврите. Я понимаю, что этот язык уже не буду знать хорошо. Вообще актеру сложно играть на том языке, на котором он не мыслит. Хотя израильтяне говорят, что у меня вроде бы нет особенного акцента.

— Сейчас ваш театр — “Гешер” — считается одним из лучших в Израиле. Как он создавался? И как удалось завоевать успех?

— Театры рождаются в студиях. Мы тоже репетировали в помещении, где зимой зубы стучали от холода, а летом нечем дышать. Успех нашего театра во многом зависит от его создателей — режиссера Евгения Арье и директора